

А
И. А. Гончаров

Письма к С. А. Никитенко

Публикация Л. С. Гейро

Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год

Л., "Наука", 1978

[OCR Бычков М. Н.](#)

В эпистолярном наследии Гончарова особое место занимают письма к С. А. Никитенко. Из них опубликовано менее трети, причем значительная часть в выдержках или с купюрами.¹ Между тем эта переписка помогает составить более полное представление о личности писателя, его литературных симпатиях и антипатиях, творческих планах, неосуществленных замыслах, о его быте, привычках, взглядах на протяжении двадцати пяти лет (1860-1885).

Все это время постоянным корреспондентом, верным другом и конфидентом писателя была Софья Александровна Никитенко (1840--1901), дочь известного петербургского профессора и цензора Александра Васильевича Никитенко, долгие годы связанного с Гончаровым служебными и дружескими отношениями.

Для данной публикации из 38 отобрано 8 писем 1868--1869 гг., которые позволяют восстановить неизвестную страницу биографии Гончарова и наиболее ярко раскрывают его отношение к С. А. Никитенко. Эти письма воссоздают также атмосферу колоссального творческого напряжения, которое испытывал автор "Обрыва" летом 1868--зимой 1869 г., когда при крайне неблагоприятных личных обстоятельствах завершал и печатал свой последний роман.

Начало дружеским отношениям Гончарова и Софьи Никитенко было положено еще в 1860 г., когда она вместе с сестрой Екатериной переписывала черновые листы второй части будущего "Обрыва", которые автор вновь испещрял многочисленными поправками и уточнениями.

Исключительно серьезно относившаяся к жизни, обладавшая высокоразвитым чувством долга, доходившим до аскетизма, двадцатилетняя девушка увидела в Гончарове легко ранимого, одинокого человека, глубоко преданного литературному делу, но страдающего от уязвленного авторского самолюбия, и, по-видимому, полюбила его.² Не отвечая взаимностью на чувство Софьи Александровны, Гончаров тем не менее был очень привязан к ней и неоднократно признавался ей в своей "оригинальной" любви: "...я никогда не был влюблен в Вас и теперь никогда, конечно, не буду, а наслаждаюсь Вами по-своему, как в своем роде *chef-d'oeuvre* доброты, ума и женского сердца. Все это я вижу, знаю и люблю, и это тем более не имеет цены, что меня не подкупает к Вам лукавое влечение, как к женщине, которое всегда более или менее ослепляет, следовательно преувеличивает и лжет" (13 (25) июля 1869). В другом письме, от 25 июля (6 августа), он вновь пишет: "...я, конечно, давно влюбился бы в Ваши серые умные глаза, благородные черты etc, но влюбиться в Вас можно только гармонически, т. е. вместе и полюбить. А я угораздился избежать *первого* и перешел прямо ко *второму*, а это второе не требует тех (весьма, впрочем, естественных и даже необходимых и неизбежных) сближений, каких потребовало бы одно первое -- или первое и второе вместе. Дайте же руку и позвольте поцеловать ее [дружески] любовно, но не влюбленно".

Испытывая к Софье Александровне искреннюю, как признавался он в том же письме, "дружбу-любовь без влюбленности", Гончаров постоянно ощущал свою ответственность за ее судьбу, чувствовал себя перед нею в неоплатном долгу. Отсюда в его письмах завуалированные, а иногда и открытые призывы позаботиться об устройстве личной жизни, большей частью тщательно вымаранные впоследствии самой Никитенко. Наиболее откровенный из них прозвучал в письме от 29 мая (10 июня) 1868 г.: "...я все не покидаю мысли и надежды, что Вы должны выйти замуж за достойного Вас человека, хотя это нелегко найти такого, но бог не без милости".

Отказавшись от надежд на личное счастье, Софья Александровна осталась верна дружеским отношениям и проявляла исключительную выдержку, трогательную верность и преданность, оказывая Гончарову постоянную поддержку в творческих трудах, облегчая в меру своих сил его нравственные страдания, характер и содержание которых точно определены А. Ф. Кони в его посвященном Гончарову письме к М. Г. Савиной от 15 июля 1880 г. (ИРЛИ, ф. 134, оп. 2, № 13).³ "Годы уединения, -- писал А. Ф. Кони, -- вдумчивости, беспощадного анализа себя и других -- и притом с точки зрения *обязательных* идеалов и их реального невыполнения, -- сознание отсутствия правильной оценки, хмель общих восторгов